

НАРОДЫ СССР

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПО РУССКОМУ ПРИКЛАДНОМУ ИСКУССТВУ

Подготовка и издание Научно-исследовательским институтом художественной промышленности Роспромсовета (Москва) серии альбомов русской народной вышивки — крайне нужное и полезное дело. В настоящее время вышло пять альбомов, знакомящих с вышивкой: 1) Архангельской, 2) Новгородской и Псковской, 3) Вологодской и Ярославской, 4) Калининской и 5) Горьковской областей. Издание альбомов русской народной вышивки, помимо задач воспитания художественного вкуса, имеет большое практическое значение для художников и мастеров прикладного искусства, так как помогает им овладеть лучшими традициями народного искусства. Такое издание не может не привлечь и внимания этнографа. За Советский период как этнографами, так и искусствоведами сделано немало в области изучения и публикации вышивки и орнамента народов СССР, однако как раз в части русского орнамента очень недостаточно.

Рецензируемая серия альбомов является первой большой публикацией по русской народной вышивке. В основу издания альбомов положен принцип показа региональных особенностей русской вышивки, что весьма ценно.

Изучение вышивки в ее местной, областной специфике, особенно вышивки такого народа, как русский, расселившегося на огромной территории, совершенно необходимо.

Каждый альбом состоит из красочных таблиц и вводной статьи. Автор текста всех альбомов В. Я. Яковлева. Ею же вместе с другими научными сотрудниками НИИХП с большим знанием и вкусом подобраны характерные образцы народной вышивки из музейных собраний и полевых экспедиционных материалов. На таблицах, оформленных художниками НИИХП, воспроизведены особенности вышивки — ее расцветка и техника. Аннотации к таблицам предельно кратки и для этнографа часто недостаточны. В текстовой части каждого альбома характеризуется вышивка данной области. Автор не задается целью углубляться в историю, показывать этнографические связи и т. п.; он дает анализ вышивки со стороны ее орнамента, сюжета, композиции, стиля и техники выполнения.

В альбомах представлена старинная и современная вышивка (последняя — в альбомах, посвященных областям, в которых вышивка получила развитие как промысел).

Территориальное подразделение взято современное. Таким образом, в альбоме архангельской вышивки представлены вышивки не только б. Архангельской, но и б. Олонечкой губ., значительная часть которой вошла в состав нынешней Архангельской области. Не ясно, однако, почему сюда же включены вышивки некоторой части б. Вологодской губ. (Сольвычегодский и Великоустюжский районы Вологодской области — табл. 16, 19), которые не относятся в настоящее время к Архангельской области? Несомненно, единый принцип выдержать здесь совершенно необходимо.

Первым выпуском рассматриваемой серии является альбом «Архангельская народная вышивка»¹. В нем представлены великолепные образцы, с разнообразными сложными геометрическими узорами и изображениями животного и растительного мира, а также человеческими фигурами. Вышивки исполнены техникой росписи, набором, гладью. Автор, характеризуя высокие качества северной вышивки, отмечает ее декоративность, строгость орнамента, богатство и разнообразие сюжетики, выражающиеся в разнообразной передаче форм природы, которые «не могут быть забыты и должны найти свое отражение и развитие в работах советских вышивальщиц» (стр. 4). Искусство архангельских вышивальщиц продолжает жить и теперь. Однако до настоящего времени в Архангельской области не создано ни одной артели вышивальщиц. Поэтому не случайно, что в альбоме представлены образцы только XIX в.

В другом выпуске серии, посвященном новгородской и псковской вышивке², уделено внимание и современности. Кроме старинной вышивки «росписью», которая дана очень неполно, и белой строчкой, представлена тамбурная вышивка XIX в. и показаны образцы крестецко-валдайской строчки. Новгородские вышивальщицы в начале XX в. ввели в свои вышивки геометрические строчевые узоры, известные под названием «вологодское стекло». В дальнейшем они развили и обогатили эти узоры. В настоящее время вышивальщицы Крестецко-Валдайского района, объединенные в артели, создают изящные вещи бытового, декоративного назначения. Усложнили сюжеты узоров крестецкой строчки. Наряду с разнообразным геометрическим орнаментом вышивальщицы создают сложные композиции, отражающие такие темы, как «Женщины нашей страны» (фото 4), «Орден победы» (фото 7) и др.

¹ В. Я. Яковлева, Архангельская народная вышивка, М., 1954. Объем 3,5 п. л., 20 табл. красочных иллюстраций.

² В. Я. Яковлева, Новгородская и псковская народная вышивка, М., 1955. Объем 3,5 п. л., 19 табл. + 8 фотографий.

Вологодская и ярославская вышивки, по мнению В. Я. Яковлевой, имеют много общего между собой и объединены ею в одном альбоме³. Однако вологодская вышивка все же отличается от ярославской. Она представлена белыми строчевыми изделиями («вологодский шов по письму») с характерными растительными узорами и бытовыми сюжетами. В альбоме приведены образцы, выполненные техникой «вологодское стекло» в сочетании с браным ткачеством. Здесь встречаются также узоры, характерные для всего Севера.

В этом альбоме впервые сделана попытка выявить особенности ярославской вышивки, которые до настоящего времени не были изучены. Наиболее типичной, по-видимому, является строчевая вышивка с цветной обводкой, придающей ей своеобразный колорит. В орнаменте преобладают мотивы птиц, коней, барсов, расположенные по сторонам дерева, стоящего в центре. Необходимо было бы указать, что подобные узоры, выполненные той же техникой, распространены и в северо-восточной части Калининской области. К сожалению, датированных образцов из Ярославской области в альбоме немного, и автор привлек близкие образцы из других мест (табл. 10—из Костромского музея). Развитие тамбурной вышивки цветной нитью по кумачу или холсту характерно и для Ярославской, и для Вологодской областей. В конце XIX в., как отмечает В. Я. Яковлева, такая вышивка становится особенно многоцветной. Она отражает окружающую природу (фото 4 и 5, табл. 23) или передает жанровые мотивы (фото 3). По наблюдениям В. Я. Яковлевой, интересные и разнообразные приемы вышивания, характерные для местных старых мастериц, к сожалению, не получили еще должного развития в наши дни при организации вышивальной промышленности в Вологодской и Ярославской областях.

В альбоме «Калининская народная вышивка»⁴ составитель пытался охватить все богатство искусства вышивки данной области. Ее разнообразие в известной мере обусловлено сложной историей края и особенностями его этнического состава. Вышивки севера области имеют много общего с новгородской и ярославской вышивками; на юго-западе вышивки сходны со смоленскими, а плотная вышивка головных уборов имеет черты сходства с вышивками народов Поволжья. В этих узорах особенно ярко выражен «звериный» орнамент (олени, кони, птицы), трактованный в прямолинейно-геометрическом стиле. Кроме русских, в альбоме представлены и карельские вышивки (табл. 14 и 15). Уделено место современному золотошвейному промыслу и представлены работы золотошвейной артели и профтехшколы г. Торжка. В настоящее время золотым шитьем украшают различные бытовые вещи, предназначенные для подарков (папки, альбомы, бювары, сумки, подушки и пр.). В. Я. Яковлева отмечает положительные стороны в развитии этого искусства, называет наиболее интересные работы (панно «Золотая моя Москва», фото 7, и др.).

Большое развитие получил в области строчевышивальный промысел. Известны хорошие изделия артели из с. Медное Купалинского района (два занавеса-панно «Кремль», рис. 11; «Юные лесоводы», рис. 12). В. Я. Яковлева, отмечая достижения калининских вышивальщиц и художников, обогащение сюжетов и композиции орнамента, тонкость выполнения работ, вместе с тем указывает, что лучшие достижения прошлого использованы еще далеко не полностью.

Положительным является то, что в этом альбоме аннотации к таблицам даны полнее, чем в других альбомах. Но, к сожалению, в текст аннотаций к табл. 3, рис. 1 и 3 вкралась ошибка: представленные на ней образцы — не из Новоторжского, а из Сандовского района. Деревня Сушигорцы, откуда взяты образцы, издавна считалась «пушкарской». «Пушкарями» называли своеобразную группу русских, живших в ряде селений б. Карамышевской вол. Весьегонского уезда. До XX в. они сохраняли старинный костюм и богатую вышивку, которой и пополнялись наши музейные собрания.

Альбом «Горьковская народная вышивка»⁵ посвящен главным образом современной, наиболее распространенной в Горьковской области вышивке строчкой. В конце XIX в. нижегородские вышивальщицы, изготовляя вышивки на продажу, освоили городскую белую строчевую вышивку кружевного типа, известную под названием «гниюр» (стр. 4). В. Я. Яковлева характеризует развитие этого промысла в наши дни, изменения в орнаменте, разнообразие приемов вышивки, обогащение композиции узора на бытовых предметах и отмечает постоянное стремление горьковских вышивальщиц к новым достижениям.

Рецензируемая серия имеет и практическое, и научное значение. Необходимо в последующих выпусках несколько расширить аннотации. Желательно также увеличить объем альбомов по тем областям, в которых вышивальное искусство получило особенно большое развитие.

Книга Л. И. Якуниной «Русское шитье жемчугом»⁶, выпущенная издательством «Искусство», представляет интерес не только для историка, искусствоведа, но и для

³ В. Я. Яковлева, Вологодская и ярославская народная вышивка, М., 1955. Объем 4,75 п. л., 25 табл. + 6 фото.

⁴ В. Я. Яковлева, Калининская народная вышивка, М., 1955. Объем 5,5 п. л., 21 табл. + 12 фото.

⁵ В. Я. Яковлева, Горьковская народная вышивка, М., 1955. Объем 3,5 п. л., 14 табл. + 5 фото.

⁶ Л. И. Якунина, Русское шитье жемчугом, М., 1955, 157 стр., 70 илл.

этнографа. Это первый научный труд, специально посвященный данной отрасли прикладного искусства. Автор привлек обширный круг источников: вещевой материал — образцы шитья жемчугом, хранящиеся в музейных собраниях; памятники изобразительного искусства (фрески, иконопись, мозаику и др.), в которых в той или иной степени отражено шитье жемчугом; документы и литературные свидетельства разного времени о жемчужном шитье (первое упоминание о нем относится к X в.). На основании тщательного изучения первоисточников автор рассматривает русское жемчужное шитье, начиная с первого дошедшего до нас образца, относящегося к XII в.

В главе I дается характеристика жемчуга как материала, дан обзор жемчужного промысла в нашей стране, рассматриваются законодательные акты и различные документы о жемчуге и торговле им, об использовании местного и привозного жемчуга. В заключение автор приходит к выводу об изобилии жемчуга в России. В главе II подробно описывается техника шитья жемчугом, а в главе III — отдельные предметы светского и церковного быта, шитые жемчугом. Автор указывает на особенности шитья в разные периоды: слабое использование жемчуга в шитье XI—XV вв., развитие жемчужного шитья в XVI—XVII вв. и насыщенность шитья этого периода как жемчугом, так и другим драгоценным материалом. «Искусство, — пишет автор, — удовлетворявшее вначале бытовые и эстетические потребности народа, с развитием феодальных отношений получило еще новую функцию — блестящего оформления княжеского, боярского и церковного обихода». В шитье XVIII в. автор подмечает две линии его развития: церковное жемчужное шитье отражает проникновение в русское декоративное искусство западных влияний, которые подвергаются переработке; народное жемчужное шитье сохраняет древние традиции русского декоративного искусства (стр. 96).

В книге представлен обширный материал по одежде с жемчужным шитьем, начиная с XIV в., главным образом княжеской, боярской, церковной; представлено и народное шитье XVIII в. Автор неоднократно упоминает о широкой распространенности жемчужного шитья в русском народе. Бесспорно, конечно, что его распространение не ограничивалось аристократической средой. Но нам кажется, автор иногда несколько преувеличивает широкое распространение жемчужного шитья. Так, например, на стр. 54 сказано: «В древнерусской одежде жемчуг имеет самое широкое применение...», «Древнерусская живопись, фреска, икона и мозаика — с XI века свидетельствуют о широком применении жемчужного шитья в русской одежде, головных уборах, обуви и пр.». Однако это были главным образом княжеские изображения. Вряд ли в это время жемчужное шитье было широко распространено в крестьянском быту; ни археологические, ни исторические данные этого не подтверждают. Дошедшие до нас свидетельства, многие из которых приведены автором, относятся главным образом к обиходу привилегированного класса.

В документах XVI—XVII вв. встречаются упоминания о жемчуге и жемчужных изделиях в описях имущества не только бояр, князей, но и служилых, посадских людей и крестьян. По более поздним этнографическим данным (XVIII—XIX вв.) известно, что жемчужное шитье широко применялось в купеческих и мещанских женских и девичьих головных уборах; в крестьянских головных уборах оно применялось главным образом на северо-западе и севере. Жемчужные венцы, челки, коруны и кокошники у крестьян были праздничными, а часто только свадебными уборами. Нередко настоящий жемчуг заменялся имитацией (о чем пишет и автор). Среди представленных в книге образцов головных уборов под общим названием «народных» есть городские, купеческие и, возможно, крестьянские, о чем следовало бы сказать.

Хотелось бы больше узнать об орнаменте шитья, которого автор касается лишь попутно. Однако и без этого монография Л. И. Якунина содержит много ценного и будет полезна каждому интересующемуся русским прикладным искусством. Книга хорошо иллюстрирована, снабжена обстоятельными примечаниями, списком жемчужных рек и библиографией, что еще более повышает ее познавательную ценность.

Другая работа того же автора о русских набивных тканях⁷ представляет собой альбом образцов набойки XVI—XVII вв. (части одежды, скатертей, культовых предметов и пр.) из собраний Государственного исторического музея. В вводной статье автор дает характеристику техники набойки и тканей и их орнамента в XVI—XVII вв. Большим недостатком статьи является ее краткость. Автор, ограниченный размерами статьи, не смог в полной мере осветить вопрос и использовать имеющиеся в его распоряжении данные, на которые он потом лишь частично ссылается в примечаниях. Издание такого альбома, несмотря на отмеченный недостаток, заслуживает одобрения. Этим популяризируются ценнейшие, но малодоступные коллекции наших музеев и в какой-то мере (хотя и очень кратко) освещается один из периодов развития русского мастерства набойки, еще недостаточно изученного и опубликованного. Следует пожелать при дальнейших изданиях серии «Памятников культуры» улучшения качества цветных иллюстраций.

Привлекает внимание и искусствоведа, и этнографа книга М. Рехачева «Вологод-

⁷ Л. И. Якунина, Русские набивные ткани XVI—XVII вв., Труды Государственного исторического музея. «Памятники культуры», под ред. Б. А. Рыбакова, вып. VII, М., 1954, 23 стр., 38 рис.

ское кружево»⁸. Но эта книга иного типа, чем все упомянутые выше работы. В ней дан популярный очерк промысла: его возникновение, развитие, преобразование после Великой Октябрьской социалистической революции. Рассматриваемая книга в значительной мере — компилятивного характера. Автор не ставит задачи показать вологодские кружева как отрасль народного искусства. Нельзя отрицать пользу популярных очерков, но необходимо и более глубокое исследование о замечательных вологодских кружевах и кружевницах.

Г. С. Маслова

ЗАКАРПАТСКИЕ СКАЗКИ¹

Вопрос о взаимоотношении в фольклоре личного и коллективного начала, о роли в нем традиции и новаторства издавна ставился исследователями народного творчества и по-разному разрешался представителями тех или других школ фольклористики.

Вопросы эти продолжают волновать и советских исследователей народного творчества, они вновь и вновь поднимаются в теоретических работах по вопросам фольклора, в вступительных статьях к фольклорным сборникам, на совещаниях и дискуссиях, посвященных выяснению специфики фольклора, на страницах периодических изданий.

Советские исследователи настойчиво подчеркивают в качестве первичного и основного признака фольклора его коллективность. Однако тезис о коллективности фольклора отнюдь не снимает вопроса о роли личного начала в создании устно-поэтического произведения.

Каждый вариант сказки, песни или былины — результат одновременно как коллективного творчества народа, который веками хранил, развивал, шлифовал это произведение искусства слова, так и индивидуального творчества, личного мастерства того сказочника, сказителя или певца, который его исполняет.

Вопрос о сочетании в фольклорном произведении личного и коллективного начала не может быть конкретно разрешен вне изучения местной устной традиции. Намеченный в ряде статей, преимущественно в предисловиях к фольклорным сборникам, он до сих пор не получил достаточного освещения. Исследователи фольклора ограничиваются лишь общими расплывчатыми рассуждениями о характере и составе репертуара носителей фольклора той или другой области, не делая даже попытки определить существо и природу областного стиля.

В свете этих задач приобретают большое значение публикации сборников областного фольклора или текстов отдельных сказочников и певцов. Особый интерес представляет в связи с этим вышедший недавно сборник сказок известного закарпатского сказочника Андрея Калина.

Богатство устного народного творчества Закарпатья, издавна привлекавшее к себе внимание собирателей и исследователей, было еще раз доказано блестящими результатами экспедиций 1945—1948 гг., организованных академиями наук СССР и УССР. Собранный ими материал до сих пор лишь частично увидел свет.

Андрей Калин является одним из интереснейших носителей закарпатской сказочной традиции. Не случайно его творчеству была посвящена диссертация ревностного собирателя, исследователя и знатока закарпатского фольклора П. В. Линтура.

К сожалению, до сих пор огромный репертуар Андрея Калина опубликован лишь частично. В рецензируемый сборник вошло лишь сорок сказок — меньше половины того, что исполняет этот крупный мастер устного слова.

Биография Калина типична для неграмотного закарпатского крестьянина-бедняка, который в полной мере познал всю тяжесть политического, экономического и национального гнета. Как батраку, ему не раз приходилось расставаться с родным селом и семьей и слоняться по белу свету в поисках куска хлеба.

Только в 1945 г., когда в Закарпатье установилась Советская власть, для Андрея Калина, одним из первых в селе вступившего в колхоз, началась новая жизнь.

Любовь к сказке сопровождает Калина, начиная с детских лет: недаром он рассказывает сказку о том, как бедный хлопчик отдает все свое жалкое имущество за сказки.

Основную часть своего репертуара Калин воспринял от своих односельчан (в его родном селе Горинчеве записано около 150 сказочных сюжетов), однако благодаря своим странствиям обогатил его сказками других мест Закарпатья. В числе своих учителей Калин называет и известных закарпатских опришков; последнее не могло не оказать влияния на его репертуар. Так, в сказках Калина часто встречается образ благородного разбойника, который грабит богатых и одаряет бедных.

⁸ М. Рехачев, Вологодское кружево, Вологда, 1955, 80 стр. + 30 табл. илл.

¹ Закарпатські казки Андрія Калина. Запис текстів і вступна стаття кандидата філологічних наук П. Лінтура. Книгу упорядкував Г. Ігнатювич. Малюєнки художника П. Левницького. Закарпатське обласне видавництво, Ужгород. 1955.